

Огромнее каждого на свете Полина не любила две вещи: свое собственное имя и арфу. И тем и иным она была обязана своей мамочке. Когда Полина окончила музыкальную школу по классу фортепиано, ее мать значительно промолвила: «Наша дочка будет играть на арфе». И правда Полина не питала к своей мамочке ни минимального уважения, ей пришлось подчиниться. На сторону мамочки встал папа, которого она боготворила и немножко боялась. «Полина, так необходимо!», – сказал он, и Полина поступила в училище на отделение щипковых, класс арфы. Арфу не нужно было таскать на себе, а для домашних занятий ей выделили комнату в их просторной пяти – комнатной квартире на Арбате. Ее папа работал значимым руководителем в нефтегазовом министерстве, следственно он мог бы легко ей приобрести для занятий орган совместно с кирхой средних размеров.

Полина была высокой и прекрасной девушкой. Ее рыжие волосы были настоль густы и непослушны, что напоминали медную проволоку. От матери она унаследовала не только шевелюру блестящих вьющихся волос, но и зеленые, как изумруд, глаза и молочно – белую кожу. Вокруг ее точеного носика густой россыпью расходились веснушки. Когда возникало первое светило в апреле, они становились настоящей задачей. Отлично хоть никто не видел, как покрывались рыжими точками ее руки до самого локтя и кожа от ключиц до резких изгибов ее полных груди.

Только спустившись в вестибюль Полина припомнила, что у нее была назначена встреча с Костей Рабиновичем. Он теснее ожидал ее у колоны с огромным зеркалом, сжимая в правой руке схожий на тубус футляр гобоя. Полина теснее примерно два месяца встречалась с Рабиновичем, следственно их отношения дошли до серьезного петтинга. То есть не то Дабы Полина исключительно давала полапать себя. Но в конечный раз, когда они были дома у Костика, она помогла рукой ему кончить. Он и теперь выглядел так, будто подготавливался осведомить ей, что его мама вновь на дежурстве и они могли бы пойти к нему домой «попить чаю с тортом».

Костя застенчиво поморгал за толстыми стеклами своих очков и сказал: «Можно пойти ко мне. Теперь никого нет. »

– Я не знаю, – сказала Полина слегка выпячивая нижнюю губу. Ее томное личико было дюже прекрасно. Костя глядел на нее не отрываясь.

– Правда хорошо, пойдем. Заодно дашь Булгакова, я у тебя видела.

У Костика в квартире одним чаепитием безусловно не обошлось. Они начали целоваться взасос на диване, а потом его рука стала мягко поглаживать ее большую грудь под серым джемпером в обтяжку. В тот, что раз Полина вздохнула и отвела его руку в сторону. «Костя, умоляйтебя!» Он убрал руку и начал ласково посасывать кончик ее языка. Осмелившись, Костик положил ее правую руку на свою эрекцию под натянутыми, как палатка, брюками. Полина спрятала лицо у него на плече, пока он возился с молнией от брюк. После этого ее рука была водворена на пульсирующую плоть члена. Украдкой повернув взор, она увидела то, что неудовлетворительно детально рассмотрела в прошлый раз из – за спешки и сумбура. У Рабиновича был довольной длинный пенис, правда и не дюже огромный в диаметре. ?сно – красная головка была всецело обнажена – Рабиновичу еще в детстве сделали обрезание.

Расценив ее любопытство как неуверенность, Костя помог ее руке совершить несколько поступательных движений вперед и назад. Шелковистая кожа как футляр закрывала возбужденную головку члена, и потом медлительно скользила назад. Полина начала медлительно надвигать и сдвигать крайнюю плоть. Она по – бывшему глядела вниз. Ей нравилось видеть, что у нее прекрасная рука с тонким запястьем и

длинными изящными пальцами. Теперь эти холеные пальцы артистки с ухоженными розовыми ногтями медлительно, возбуждающе томно мастурбировали длинный фаллос ее сокурсника.

- Знаешь, - сказал Рабинович, - я здесь в одной книжке прочитал... Ну, в целом ты говорила, что должна остаться девушкой... Так вот, в Латинской Америке, оказывается, девушки созревают достаточно рано, и потом им все равно воспрещают терять невинность. Они же католики. Следственно они занимаются любовью сзади... то есть... ну, в целом, как геи.

Он осекся и в комнате установилась несуразная тишина. Полина густо покраснела и потупила взор, ее рука начала двигаться как - то неровно и стремительно.

- Тише, тише, мне чай больно, - воскликнул Костя.

Полину его слова несколько не шокировали, она даже ждала, что рано либо поздно Рабинович предложит ей что-то сходственное. Ее девственная наружность и желание остаться девственницей были виртуозным прикрытием, не больше того. Сурен Агамянович, преподаватель сольфеджио в музыкальной школе на Плющихе, еще год назад познакомил ее с проступком Содомы. Правда девственницей в техническом смысле она до сих пор была.

- Нет, я не могу! - заявила Полина.

Однако Рабинович был отличным психологом и теснее восхитительно разбирался в миллионах интонаций, которыми Полина оформляла свои отказы.

- Я тебе не сделаю больно, Добросовестное слово! Я буду даже осмотрителен! - настаивал Костик.

Полина встала.

- Ну хорошо, только обещай, что это останется между нами!

- А разве может быть напротив? - с пафосом воскликнул он. Это было забавно, его патетический тон и торчащий член, полуспущенные брюки и растрепанная копна волос. Его толстые стекла очков в роговой оправе отражали блестящий свет настольной лампы.

- Откуда я знаю? А внезапно ты завтра пойдешь и разболтаешь каждому, что я «извращенка», и что со мною «можно делать все, что хочешь»!

- Никому не скажу, правда! - Костик теснее Ощущал, что победа близка.

- А ты уверен, что этим дозволено заниматься? - лицемерно спросила Полина. (Кому как не ей самой знать, что не только дозволено, но и крайнеславно этим заниматься!)

- Я же тебе говорю, я читал об этом в книге!

- Тогда отвернись пока я разденусь.

Это было нелепо, принуждать его отворачиваться, теснее согласившись на анальный секс. Но в Полине по - бывшему боролись срам и похоть.

Рабинович послушно повернулся к стене. Полина расстегнула боковые пуговицы на юбке и стащила ее через голову. После этого она сняла колготки и медлительно стянула крошечные трусики, оставшись голой ниже пояса. На ней все еще оставался обтягивающий джемпер. Позже минутного колебания она сняла и его, оставшись в

черном кружевном лифчике. Его чаши сжимали полную, упругую и мягкую грудь. Грудь Полине не хотелось обнажать. Для нее это было значительно интимнее, чем показать все остальное. Полине казалось, что у нее слишком огромная грудь.

Рабинович повернулся. Он тупо застыл, после этого указательным пальцем вдавил очки в переносицу и искренне вперился взором в ее наготу. У него даже рот слегка приоткрылся.

Полине позавидовала бы любая манекенщица, у нее были длинные, молочно – белые ноги. Они были дюже тонки в лодыжке и голени, но в то же время довольно полны в бедрах. После этого следовал плавный, как у лекала, изгиб к осиной талии, а выше вновь растяжение к двум грушеобразным грудям, к сожалению, наполовину спрятанным за черным кружевом белья. Ее плоский живот слаженно сходил к дельте рыжих завитков, закрывающих доступ к ее интимному месту. Лежа на диване, Рабинович четко видел, как стоящая на столе за спиной Полины лампа сквозным светом высветила толстые губы ее гениталий на выпуклом лобке. Свет лампы позволял даже увидеть нитку туго сомкнутой половой щели.

Его наполовину упавший член опять начал быстро напрягаться. Чувствовалось, как кровь толчками наполняет его длинный ствол.

Полина встала на четвереньки среди дивана.

- Только ты мне обещал, что не сделаешь больно, – своенравным тоном предупредила она.

- Если внезапно станет больно, я здесь же прерву, – пылко заверил ее Костя.

Он соскочил с дивана и стащил с себя брюки, попеременно прыгая на всякой ноге. Раздевшись догола, он встал на колени на край дивана и пододвинулся поближе к девушке. Полина не мигая отслеживала за ним из – за плеча. Она так и не распустила тугий узел своих неподатливых волос, и их плотный узел, схожий на моток медной проволоки, лежал в мягкой впадине ее затылка.

Рабинович нерешительно положил ладонь на огромные, схожие на два белых арбуза, ягоды Полининого зада. Между ними пролежала достаточно широкая щель, внутри которой ничего не было видно из – за того, что он заслонил своим телом лампу. Костя передвинулся немножко в сторону, дабы увидеть свою цель. Рыжая поросль густо покрывала толстый расщепленный персик вульвы. Над закрытой половой щелью находился маленький участок примерно голой кожи. В боковом свете настольной лампы были видны крошечные пупырышки кожи промежности. Прямо над ней была ласково – розовая и чистая, как у младенца, розетка ануса. Костя прикоснулся к ней кончиком паль

Даже сильнейшая связанность отступит на ...

ца. Радиальные складки, сходящиеся к центру, были схожи на пластинки вовсе крошечной шляпки сыроежки. Почувствовав его прикосновение, маленький мускулистый узелок втянулся вовнутрь аналогично рожкам застигнутой врасплох улитки. После этого, медлительно и осмоторительно, он вновь расправился.

Костя внезапно начал сомневаться в фуре своего дела. Его член был гораздо огромней, чем это игрушечное отверстие. «Но чай она ходит в туалет по большому», – мелькнула у него в

голове идиотская мысль.

Неожиданно Полина села на бок.

- Я опасаюсь! - жалостно сказала она.

Рабинович растерялся.

- Я опасаюсь, что мне будет больно! чай это противоестественно! - воскликнула Полина и вновь густо залилась краской, неожиданно припомнив, как Сурен Агамянович доводил ее примерно до беспамятства, вводя свой толстый член в ее задницу и одновременно массируя огромным пальцем ее клитор.

- Тогда, может быть, ты это... ну... губами, то есть... в рот... - промямлил Костя.

- Нет! Не сейчас... потом... может быть...

- Тогда может все - таки испробуем?

- Только один раз! И огромное никогда не будем, - бесстрашно сказала Полина. - Договорились?

- Договорились, - сказал Рабинович.

Она вновь встала на колени и, положив локти на подушку, оперлась на руки щекой. Костя провел рукой по ее Дивным ягодицам, алчно впитывая глазами интимные детали ее зрелой красоты.

Тремя пальцами он взял свой член и навел его на нервозно сжавшийся анус. Вначале легонько, после этого все мощнее и мощнее он стал пытаться втиснуть вовнутрь набухшую от возбуждения головку. Ничего не получалось. Пенис не хотел входить ни на миллиметр в ягодицы Полины.

Она лежала на скрещенных руках с закрытыми глазами и напряженно думала. У нее в сумочке лежала баночка вазелина. Сурен Агамянович сказал как - то ей: «Всякая уважающая себя дама должна неизменно иметь при себе две вещи - кондом для своего кавалера и вазелин для своей попки. » Но если она теперь скажет, что знает что делать, да еще и вытащит столь нужную мазь из сумки, Костя сразу все осознает. И тогда получится, что это она его склонила к анальному сексу, а не он ее.

Тем временем, она ощутила, что он стал втирать в ее анальное отверстие что - то мокрое. Это была его слюна. Слюна тоже возникла вследствие книжки о находчивых латиноамериканках. Затаив дыхание он осмотрительно ввел ей в задний проход указательный палец. Его первая фаланга попала в жгучий и мягкий мускул, тот, что наивно охватил его со всех сторон. Косте показалось, что он пульсирует в такт стремительным ударам его сердца.

Он выделил еще немножко слюны на пальцы и размазал ее по багровой головке члена. На данный раз ему показалось, что он немножко проник вовнутрь.

Полина еле слышно простонала.

- Тебе больно? - беспокойно спросил Костя.

- Немножко, - созналась Полина.

Затем она внезапно решилась.

- Ты знаешь, я для мамы приобрела вазелин... Ну, для массажа... Отличнее с ним испробовать, а?

Рабинович оторопело посмотрел на нее.

- Ну, давай.

Полина порылась в сумочке и протянула ему жестянку. Свинтив крышку, он вновь начал смазывать ее мокрый, яркий от слюны анус. Здесь он подметил, что блестит не только ее анус. Ее нежная раковина немножко раскрылась, так что стали видны гребешки мелких половых губ. Внутри все казалось влажным, как словно сочащимся.

- Головку тоже намажь, - сказала Полина.

Он покорно подчинился и довольно смазал свой член вазелином. Полина дала ему свой платочек.

- На, вытри руки.

Рабинович не переставал изумляться такой готовности к сотрудничеству.

Он вновь нажал склизким членом на маленькое мускульное кольцо. Непредвиденно его головка проскочила ребро преграды и оказалась внутри.

- Ох! - вскрикнула Полина.

Но боль была незначительной и теснее рассеивалась. Ввести за головкой каждый член оказалось Исключительно легко. Он как словно был проглочен в ее жарком и склизком футляре. Рабинович засопел, у него громко билось сердце. Сказать кому - то, что он отымел самую прекрасную девушку училища в жопу - ни за что не поверят! Он не успел сделать и нескольких движений, как фонтан спермы брызнул из его погребенного в Полининой кишке члена. «Что, теснее все?» - подумала она, почувствовав конвульсивные толчки спермы. Но Рабинович позже минутной паузы начал двигать членом в ее анусе. Его эрекция нисколько не пострадала от обильного семяизвержения. Он был по бывшему тверд и длинен. Настольдлинен, что когда его волосатый лобок упирался в округлость Полининых ягодиц, он чувствовал изгиб в самом конце ее прямой кишки. Полина немножко раскачивалась вперед и назад совместно с его размеренными движениями. Она пропустила правую руку под животом и украдкой нащупала крепкий черенок своего клитора.

Тихонько, Дабы не подметил Рабинович, она стала нервировать круговыми поглаживаниями торчащий, как мизинчик, бугорок. Ее внутренности были полны его спермы, следственно в комнате раздавалось громкое непристойное хлюпанье и скрип дивана в такт его движениям. Полина ощутила, как огромное и жгучее светило рождается у нее в животе. Блестящий поток возрастал и она начала постанывать, внося новые звуки в однообразную палитру хлюпанья и скрипа. Светило взорвалось, и она кончила, дергаясь каждому телом и чуть ли не выталкивая пенис Рабиновича из своей прямой кишки. Он ощутил сокращения ее сфинктера и сам начал вторично кончать, замедлив поршневые движения в ее заднем проходе.

- О - о - о, - примерно единовременно выдохнули оба.

Полина облегченно захихикала, а Костя медлительно извлек свой член из ее размягченного,

как резиновая трубка, ануса. Его отверстие было теперь покрасневшим и даже расширенным. Сейчас он бы не стал изумляться несоответствию размера своего члена и ее анального отверстия. Из темной дырки вытекла струйка спермы. Гибкие края начали медленно сходиться, пока сфинктер всецело не закрылся.

Полина изящно, как кошка, выгнулась и легла на живот, повернув лицо с закрытыми глазами к Косте. Он лег рядом и начал медленно поглаживать ее шелковистые бедра, упругие полушария ягодиц и ровную спину. Его рука дошла до бретельки лифчика.

- Слушай, а отчего мне невозможно увидеть твою грудь? - спросил Рабинович.

- Она уродливая. Я стесняюсь, - сказала Полина.

- Ну пожалуйста, Поляночка! - взмолился он.

- Ой, ну ты вновь начинаешь. Постоянно ты у меня что - то умоляешь. - Полина скорчила свою любимую мину надувшей губы своенравной девочки.

- Там не на что глядеть, - сказала она. - Я там толстая!

Но она все таки завела руку назад и расстегнула застежку лифчика. Потом повернулась на спину и сняла его со своей груди.

- Они красивы! - откровенно воскликнул Рабинович.

Ее груди лежали как два налитых соком плода. Соски были ясно - розовые и широкие, примерно пять сантиметров в диаметре. Полина сдавила огромные шары с обеих боков, так что между ними возникла глубокая щель. Она коварно посмотрела на него из - под опущенных ресниц и сказала: «А я читала, что некоторые занимаются этим вот в этом месте!». И она кивнула подбородком на мягкую складку между грудями.

Рабинович с трудом сглотнул, его кадык нервозно подпрыгнул и упал.

Взгляд Полины внезапно скользнул к круглому будильнику, тикающему на столе.

- Теснее десять! - ахнула она. - Я побежала.

И она стремительно начала одеваться. Перед тем как натянуть трусики, она опять приказала Рабиновичу отвернуться, и положила на их дно тоненькую прокладку «олвис». Из ее заднего прохода по - бывшему текло, следственно прокладка поможет ей добраться до своего дома.

- Ты завтра свободна? - спросил Костя, одевая через голову рубашку.

- Нет! Созвонимся! - отрывисто сказала Полина. Она стремительно наложила на губы несколько мазков помады, исправила свои непокорные волосы и выпорхнула за дверь, послав Косте прощальный воздушный поцелуй.

На дальнейший день она бежала вниз по лестнице, Дабы поспеть домой до прихода отца, у которого был день рождения. Она хотела первой поздравить его и вручить в презент гобелен, приобретенный у художников на Крымском мосту.

В вестибюле она подметила Рабиновича с Семеновым. Костя стоял к ней спиной, следственно она не видела выражения его лица. Впрочем Семенов, каким то необычным взглядом уставился на нее. На лице у него заиграла вульгарная улыбка. «А вот и

она!» громким развязным тоном заявил он. Рабинович оглянулся и застыл как истукан, увидев растерянное лицо Полины.

Она низко пригнула голову и, стремительно – стремительно перебирая изысканными ножками в слишком узкой юбке, устремилась к выходу...

<http://erolate.com/book/3953/109253>